

Сергей Довлатов, 25 лет: каким он запомнился

А. В. Лосик, В. В. Степанов

Несколько слов об авторах. Оба – коренные ленинградцы. В 1964–1971 годах они учились в Ленинградском кораблестроительном институте (ныне Морской технический университет) и успешно его окончили. Правда, в дальнейшем их пути ушли далеко от кораблестроения. А. В. Лосик, проработав около 10 лет на предприятиях судостроения, увлекся отечественной историей, окончил заочную аспирантуру ЛГУ им. А. А. Жданова и впоследствии стал доктором исторических наук, профессором и долгие годы – до выхода на пенсию – работал в системе высшей школы. В. В. Степанов и в «Корабелке» много занимался спортом, а затем окончил аспирантуру кафедры биомеханики Института им. Лесгафта, в этом же вузе защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата педагогических наук и долгое время преподавал в нем профессором кафедры легкой атлетики. Является заслуженным тренером СССР и РФ.

В 1966–1968 годы авторы статьи, проявляя интерес к гуманитарным наукам, увлекались журналистикой и активно сотрудничали в многотиражной газете ЛКИ «За кадры верфям». Именно в те годы (1965–1969) литературным сотрудником этой газеты работал вернувшийся после службы в армии С. Довлатов. Заметим, что в период отсутствия главного редактора газеты он выполнял его обязанности – от сбора и оформления материалов до макета газеты и сдачи ее в типографию. К тем годам и относятся публикуемые заметки, которые добавляют дополнительные штрихи к портрету ставшего позже известным писателем Сергея Довлатова. Редакция журнала благодарит авторов, откликнувшихся на просьбу рассказать о своих встречах с С. Довлатовым.

Первый сюжет: о начале нашего сотрудничества с С. Довлатовым и первых впечатлениях от встреч с ним.

С начала 1967 года, в связи с отсутствием главного редактора многотиражки газеты (фронтовик Ю. И. Романов много болел), С. Довлатов «редажировал» (это выражение, которое он заимствовал у М. Е. Салтыкова-Щедрина) газету. Так случилось, что как раз С. Довлатов в то время оформил нас обоих на освободившуюся ставку литературного сотрудника газеты, которую мы разделили пополам (по 45 рублей, что равнялось повышенной стипендии студентов тех лет). Знакомого нам по редакции и прежде, мы ближе узнали С. Довлатова именно тогда – еще безусого (тем более, безбородого), и вовсе не «загульно-портвейного» либо «богемно-диссидентствующего», как о нем пишут многие из поздних мемуаристов.

В нем не было ни циничного ёрничества, ни поучений «быва-

Сергей Довлатов

лого» студентам, он не говорил о себе, хотя ко времени нашего с ним знакомства, как нам стало известно позднее, он был «слегка подраненным» (по его же словам). Это выражалось в том, что он уже имел дочь и развод в первом браке. Еще один след оставили неизгла-

димые воспоминания об учебе в Университете с малоподъемными и неприемлемыми для его природы требованиями постоянно что-то сдавать, отчитываться, посещать, слушать такого-то преподавателя, как к тому обязывала учебная программа. Еще одна «царапина» осталась от увлечения боксом и скепсисом от того, как его успехи и способности в этом оценивались на взгляд, как он их называл, «физруков». Отметим, что оставила и армейская служба (он конвоировал и стерег «зэков» в зоне). И, наконец, последняя рана, которая, на наш взгляд, особенно его бередила – это постоянные в то время отказы из журналов на посылаемые в их адрес рукописи рассказов с надеждой на публикации. И все же он избегал назиданий (а был старше нас на пять лет), диспутов и конфликтов (по крайней мере – на территории ЛКИ).

Обычно он сидел за столом перед пишущей машинкой «Ундервуд», откинувшись на стул у стены. Руки жестикулируют или закинута за голову – на затылок,

ноги вытянуты, выпрямлены под столом и торчат из-за него в узких брюках-«дудочках» и мокалинах. Толстая подошва последних делала Довлатова человеком двухметрового роста.

Уже по первым нашим разговорам с Сергеем мы заметили, что ему нравилось демонстрировать свой поставленный баритон, показывать четкую дикцию и утонченную структуру фраз, что ярко проявлялось в оригинальных определениях и устных байках. Для него, как мы поняли позже, «игра в слова» как техника избранной им профессии писателя, была отчасти самоцелью, и нас, как начинающих журналистов, он тоже знакомил с такими упражнениями в этой игре, составляя, например, фразы по одному слову на каждую букву алфавита.

Продолжая рассказ о внешнем облике нашего героя, заметим и своеобразие его фигуры: длинные и тонкие Х-образные ноги, а туловище и голова, напротив, короче и меньше средних по гармоническим канонам. Шеи у него почти не было, грудь была, как говорится, колесом. Талия была четко обозначенной. В обычные рабочие дни он одевался в пиджак «букле» – серо-пятнистый, либо в замшевую куртку с обшлагом на поясе. Зимой носил кепочку или вязаную шапочку. Сергей не имел привычки даже в праздники завязывать галстук, как и надевать официальный костюм.

Сюжет второй: о нашей деятельности в газете под руководством

Сергей Довлатов

С. Довлатова и о его собственной журналистской работе.

Интенсивная для нас работа в газете пришлось на 1967 год – юбилейный в истории СССР. В то время именно С. Довлатов давал нам редакционные задания, поскольку как раз тогда замещал главного редактора. Задания, по существу, были стандартными для многотиражной вузовской газеты, с учетом предстоявшего 50-летия Октябрьской революции. Поэтому, например, кроме очерков для первой полосы о том или ином «герое» учебы, заметок о старейших преподавателях, интервью с выпускниками «Корабелки» разных поколений, репортажей о событиях, происходивших в вузе, тогда у нас с ним появилась идея разыскать среди сотрудников участника октябрьских событий 1917 года и написать о нем развернутый материал. Им оказался столяр одной из мастерских нашего института – Василий Аверьянович Смирнов, бывший матрос Балтийского флота, который к тому же

был и участником штурма Зимнего дворца, и кронштадтских событий 1921 года, и вообще человеком очень богатой жизненной судьбы – был даже «25-тысячником» (посланцем рабочего класса во главе колхоза). Помним, что, по совету С. Довлатова, перед публикацией материала мы ходили с целью подтверждения его исторической достоверности в Военно-морской музей и Музей революции, поскольку герой нашей статьи в годы революционных событий служил в одном из балтийских экипажей, а сведения по ним имелись в архиве одного музея, а по участникам штурма Зимнего – в другом. Экспертиза партархива и виза Горлита по нашему герою были также положительными, и лишь после этих процедур статья была напечатана в газете «За кадры верфям». Затем, также по совету С. Довлатова, мы отнесли этот материал в одну из ленинградских газет с целью его публикации. Так статья об институтском столяре появилась на страницах городского «Строительного рабочего» под названием «Матрос революции».

Кстати, С. Довлатов со своим собственным тактом и юмором относясь к теме публикации, был тем не менее очень рад нашему успеху, а особенно тому, что публикация в ленинградской газете появилась без всякого «продавливания» с чьей-либо стороны. «Публикация в городской прессе – это много!» – были его слова поощрения в наш адрес. И каждый раз, когда в последующем нам удавалось публиковать в ленинградских газетах очередные материалы (а их было 4–5 – о городе, спорте, театре, хотя и газет тогда было не больше 4–5), он искренне радовался нашему успеху. И вообще, ко всем нашим материалам, подготовленным для газеты, он относился деликатно и доверительно, почти не правил их, минимально редактируя – только оставляя за собой право или дать или поменять, в случае необходимости, название публикации. В этом он считал себя корифеем, и никому это дело не доверял, шлифуя мастерство афористических формулировок. Между тем, дела с его собственными рукописями по-прежнему обстояли плохо. Хотя он никогда не обсуждал это, рассказы буквально пачками возвращались

В. В. Степанов и А. В. Лосик

Здание на Лоцманской ул.

назад автору из редакций – их упорно не пускали к читателю! Как раз в те же дни состоялись и его первые публичные чтения в Доме писателя, не нашедшие «единодушного одобрения».

Касаясь собственно журналистской работы С. Довлатова в газете «За кадры верфям», отметим, что сам он материалы почти не писал и публиковался в ней мало. Бывали, правда, редкие случаи, когда в этой газете появлялись заметки под фамилией Д. Сергеев (так подписывался под «дежурной» тематикой С. Довлатов). Нам кажется, что это происходило прежде всего от равнодушного отношения Сергея к успешным и «положительным» героям (которые в первую очередь были востребованы в партийной советской журналистике) – он им не симпатизировал, поскольку их не понимал, да и просто не интересовался. Если изредка и появлялись в газете материалы, подписанные «С. Довлатов», то это были в основном заметки о сборниках поэзии, о персоналиях художников, режиссеров и других деятелей искусства, и почему-то милиционеров, рецензии на книги и фотовыставки. Кстати, как нам казалось, он не старался скрыть и свое безразличие и даже пренебрежение к театру, музыке, балету, живописи, скульптуре и спорту (некоторые из этих занятий даже «возненавидел») – вероятно, вследствие слишком уж тесного

общения с ними «изнутри» в юности. Гораздо охотнее выполнял он функции оформителя газеты (а владел он всеми технологиями газетчика профессионально) – рисовал карикатуры, делал репортерские фотографии. «Фактурный» брюнет-великан с редакционной «лейкой» и объективом входил в аудитории под восхищенное оживление студенческого потока...

Сюжет третий: об отражении «газетно-корабельных» лет в памяти писателя С. Довлатова.

Несколько слов о том, какой «след» в писательском творчестве Довлатова оставили время и люди периода нашего знакомства и работы в газете. Сразу отметим, что о работе в редакции «За кадры верфям» Сергей ни в одном из своих литературных произведений никогда не упоминал (по крайней мере, нам такие факты не известны). Позже он написал: «Журналистика и литература задействуют разные участки мозга, первая вредоносна для писателя». Однако при последующих встречах в 1970-е годы на городских маршрутах (Сенная площадь, набережная Фонтанки, Пять углов, Щербаков переулок, Владимирский, Невский проспекты

(«Сайгон») и других) с одним из авторов этих строк* он нередко с удовольствием об этих «газетных» временах вспоминал и (такая редкость!) – не только спрашивал: «Чем занимаешься?», но и выслушивал ответ собеседника. Вспомнить нам было что – и нам, и видимо, ему тоже. Вот несколько примеров, с этим связанных.

В книге С. Довлатова «Представление» (одна из 11 книг, изданных в 2002–2004 годах в российском издательстве «Азбука») есть рассказ «Дорога в новую квартиру», где действует персонаж, названный «студент Гена Лосик». Думается, что фамилия не столь распространенная, чтобы не сомневаться: этот персонаж привнесен памятью автора из тех лет.

В другой книге С. Довлатова «Компромисс» есть рассказ о «компромиссе № 9» (из газеты «Советская Эстония»), где говорится об аспирантке-химике Тийне Кару, которая, занимаясь спортом, бегала дистанцию 400 метров – самую трудную, по мнению специалистов, в легкой атлетике, и вообще трудоемкую в легкоатлетическом спорте, требующую сочетания быстроты и выносливости, взрывной силы и напряженной воли к победе». Так вот, у одного из авторов этой статьи, В. В. Степанова, Довлатов интересовался в 1967–1968 годах подробностями бега на этой дистанции. И студент-корабельник, он же легкоатлет-бегун и корреспондент, с удовольствием поведал будущему писателю о тонкостях работы тех, кто берется за преодоление этой непростой дистанции. «Компромисс» этот написан позже (в Таллине, в 1976 году). Потом мы узнали, что в «наши годы» – еще в 1968 году он написал и 40 из 100 страниц задуманной «крупноформатной прозы» «Записки тренера». Так и спорт становился снова объектом его внимания и даже «творческих планов». Не знаем, к сожалению, о судьбе этих «Записок тренера». А вот еще фраза из его книги («Зона»): «Я был наделен врожденными задатками спортсмена-десятиборца». Помню, [рассказывает В. В. Степанов. – *Ред.*], что мне приходилось

* В. В. Степанова. – *Ред.*

Малый знак

объяснять С. Довлатову, что такое десятиборье в легкой атлетике в отличие от пятиборья как вида спорта, включающего в себя конный спорт, плавание, фехтование, стрельбу и кросс. Тогда еще эту разницу между двумя видами спорта он до конца не осознал: подтверждением тому стал данный С. Довлатовым «красивый» заголовок одной из статей В. Степанова в нашу многотиражную газету о спортсмене-десятиборце-«корабеле», которая вышла в печать, озаглавленная «10 побед Григория Портного». Заголовок был не совсем корректный, так как победы в отдельных видах этого противоборства могут вообще не влиять на конечный результат спортсмена в соревновании по этой дисциплине легкой атлетики. Но уж, видимо, так понравилось Сергею, недаром ведь он говорил: «За фразой – ничего, но как звучит!»

И, наконец, хотелось бы вспомнить о персонаже одного из первых опубликованных очерков самого С. Довлатова «Мир современника – комментарий к песне» в журнале

«Аврора» в № 1 за 1969 год, героем которого стал популярный в «Корабелке» человек – Юрий Щенников. Он был студентом нашего вуза – на два курса старше нас, а до того окончил институт Лесгафта, будучи по спортивной профессии сильным копьеметателем. В «Корабелке» Ю. Щенников увлекся фотографией и достиг в этом деле больших успехов. Как фотокорреспондент часто печатался в многотиражной газете, а впоследствии эта профессия стала его основной работой в ленинградской прессе. Яркой страницей биографии Ю. Щенникова было участие в студенческих целинных отрядах. Все это в совокупности и привлекло к нему интерес С. Довлатова, результатом чего и стал упомянутый очерк в журнале «Аврора», написанный в развитие «Человека, который всегда спешит» – статьи Сергея о Юрии в «За кадры верфям».

Сюжет четвертый: о самоиронии С. Довлатова и о событиях сегодняшних дней.

Более сорока лет назад он как редактор газеты выпустил в печать нашу статью о мемориальных досках в Ленинграде. Фантазии не хватило бы никому предположить, что на улице Рубинштейна, в городе и стране с другими названиями и ценностями, мы увидим еще одну доску – в память о нем, да к тому же после кончины в эмиграции обретшего популярность на родине.

«Ирония в собственный адрес, – как считал С. Довлатов, – есть признак ума». И еще: «Выставлять себя для интеллигента неприлично». Он неоднократно это повторял, и мы хорошо запомнили эти фразы.

Исходя из этого, нетрудно себе представить, как бы С. Довлатов описал открытие мемориальной доски на улице Рубинштейна в свою честь. Скажем при том, что свою гипотетическую известность он не

Ромбик ЛКИ

презирал (а тогда и желал издаваться, иметь «всесоюзную читательскую аудиторию»), но, думаем, не отказал бы себе и нам в удовольствии, «обыграв» слова восхищения в свой адрес от экс-лидера комсомолки времен его «литературных иллюзий». Или, узнав о создании «международного фонда С. Довлатова», наверняка бы прокомментировал и это событие в свойственной ему иронической манере! В таком же стиле «отрецензировал» бы он, наверное, и многочисленные воспоминания его «друзей» («Как мало нас было, как много вас осталось»). Вспоминаем Сергея и сегодня, столкнувшись с ситуациями такими, например, как собиранье справок о стаже в архиве ЛКИ (о том самом совместительстве в газете) или ожидание в очереди собеса за оформлением пенсии – сценки, «достойные кисти Айвазовского» – повторял он. А теперь, точнее, достойные «Ундервуда» Довлатова... Как здорово придумано, что официальную мемориальную доску на его доме украшает весьма самокритичный автошарж писателя!

